

Я резко шагнула вперёд, загородив ей путь. На её лице мелькнуло недоумение, и лишь через мгновение она спросила:

— Госпожа, какие будут приказания?

Пока она говорила, я неотрывно смотрела ей в глаза. В них читалось раздражение — мои служанки никогда не позволяли себе такого! Вот видите, я же говорила, что она расчётлива и скрытна! Ей явно наскучило мне прислуживать, она презирает мой вспыльчивый и переменчивый нрав, но притворяется послушной, чтобы я, как дура, вертелась вокруг да делала для неё всё, что ни пожелает! Будь она со мной откровенна, разве я хоть в чём-то отказала бы? Но нет, она предпочла пойти окольной дорогой. Боюсь, с самого начала она видела во мне лишь «начальницу», которую нужно ублажать, а все эти разговоры о дружбе, это понимание и утешение при лунном свете — всё было ложью!

Мне казалось, я должна гневаться до ярости, но предательские слёзы сами покатались из глаз. Сначала поодиночке, потом ручейками, а затем и вовсе потоками. Эти ненавистные капли скатывались по щекам, падали на пол, смачивая мои туфли. Только тут я заметила, что, ворвавшись в покои в порыве чувств, не сняла обувь. Я гневно притопнула, стараясь сбросить туфли. Правая соскочила сразу, левая же никак не поддавалась. Я уже наклонилась, но Вэй Хуань опередила меня: присела, бережно стащила туфлю, подняла и правую, и выпрямилась. Я схватила её за руку, и она взглянула на меня исподлобья.

Глаза были те же, по-прежнему прекрасные. Но если прежде один их взгляд наполнял сердце радостью и развеивал все печали, то теперь от них лишь сжимало грудь и горько становилось. Глаза мои словно превратились в бьющий источник, беспрестанно извергающий потоки слёз.

Вэй Хуань потянулась, чтобы утереть мои слёзы, но я отмахнулась от её руки. Она медленно выпрямилась во весь рост и, опустив голову, промолвила:

— Прошу разрешения удалиться.

— Стой! — крикнула я.

Она склонилась в поклоне, опустив голову так низко, что даже нагнувшись, я не могла разглядеть её лица.

Мы сблизилась так быстро, но отдалились друг от друга ещё стремительнее. Во мне кипели вопросы, которые я жаждала выплеснуть, но эта ледяная отчуждённость сковала язык. Во мне бушевала ярость, которую я мечтала обрушить на неё, но даже теперь я не могла допустить, чтобы её наказали из-за меня. Одно моё резкое слово, даже простое «пошла вон», могло обернуться для неё травлей со стороны дворцовой челяди, вызовом к надзирателям или даже изгнанием из дворца. Смешно: я до сих пор о ней беспокоюсь, а она, наверное, только и думает, как бы меня обмануть.

Прошло много времени. Слёзы высохли, и кожа на щеках стянулась от соли. Я глубоко вздохнула и сказала:

— Принеси воды умыться.

Вэй Хуань с удивлением подняла голову. Мои глаза горели и слезились.

— Живо! — прикрикнула я.

Она поспешила принести таз с водой. Я опередила её, намочила полотенце сама, вытерла лицо, поправила одежду и стала ждать.

И точно: едва Вэй Хуань вышла с тазом, как явился посланник от матушки.

— Ваше Величество вызывает принцессу, — с улыбкой объявил он.

Я с каменным лицом последовала за ним, в душе страстно желая покинуть дворец и обрести собственный дом.

Восточная столица была основана ещё при династии Суй как вторая столица, а при отце её удостоили звания Восточной столицы, отстроив дворцовый комплекс по образцу столичного, а в чём-то даже превзойдя его в изяществе. Поскольку и отец, и матушка любили конное поло, в пределах дворцового и императорского городов были устроены два поля — малое и большое. Матушка в тот момент находилась на малом поле внутри дворцовых стен. Ещё издали я увидела, как она в короткой куртке несётся на лошади, на полном скаку выхватывает клюшкой мяч у одного из игроков.

С ней играли с десятков женщин-чиновников, которых матушка обычно приближала к себе. Среди них, как и говорила Вэй Хуань, были А-Цин и Шангуань Ваньэр. Завидев, как матушка завладела мячом, они не стали мешать, а придержали коней и принялись аплодировать. Лишь Ваньэр, суетясь, попыталась догнать. Матушка, ослабив поводья, подождала её, но, когда та почти поравнялась, вдруг пришпорила коня и вновь рванула вперёд. Она оглянулась с усмешкой, подбросила мяч клюшкой, и, пока её скакун мчался как вихрь, успела нанести десятков ударов, не сбавляя хода. У самых ворот она занесла клюшку для решающего удара. Раздался оглушительный рёв одобрения, но мяч лишь чиркнул по краю и не влетел внутрь.

Аплодисменты стихли, но лишь на мгновение, и тотчас же кто-то рассмеялся:

— Госпожа, видно, пожалели нас, бедняжек, и поддались, но даже сейчас мы вряд ли успеем!

Эти слова подхватили остальные, и все наперебой стали подтрунивать:

— Вашу милость к нам мы чувствуем, но даже с поддавками не угнаться. Уж лучше одарите нас шелками да монетами, словно победителям!

Матушка, явно польщённая, с клюшкой в одной руке и поводьями в другой, проехала туда-сюда перед воротами, обернулась к ним и со смехом сказала:

— Ах вы, проказники! Играть не играете, только языками чешете, чтобы меня ублажить!

Та, что заговорила первой, парировала:

— Госпожа, да кто же не любит победить, покрасоваться да награду получить? А коль уж не выходит, так хоть сладкими речами награду выпросим, чтоб труд не пропал даром.

Тут я и присмотрелась к говорящей. Лет ей было примерно столько же, сколько Ваньэр, внешность — выше среднего, личико круглое, кожа фарфоровая. Разговаривая с матушкой, она слегка склонила голову набок, что придавало ей вид наивный и очаровательный.

Матушка, выслушав её, расхохоталась:

— Значит, всё равно со мной тягаться боитесь? Ладно, не буду вам мешать. Мяч здесь. Кто

сумеет его отобрать и вынести отсюда — тот и победил. Победитель... — Она слегка повертела клюшкой, обводя всех насмешливым взглядом. — Немедленно получит фиолетовый халат.

Дед и отец строго ограничивали роскошь в задворках, поэтому, хотя за стенами дворца нравы и становились всё расточительнее, среди придворных служительниц царила строгая субординация. Эти женщины-чиновники высшего ранга не поднимались выше пятого, поэтому в обычные дни носили лишь светло-алые одеяния. Но уж к нарядам и украшениям все женщины равнодушны, и, услышав о фиолетовом халате, каждая загорелась азартом.

Я тем временем, не спеша, шла вдоль поля к воротам. Дойдя до места, издали поклонилась матушке. Та подмигнула мне, спрыгнула с коня, взяла меня за руку и подвела к сиденью у края, велев подать фрукты и чайный отвар. Сделав глоток, она спросила:

— Сыцзы, как думаешь, кто победит?

Те десяток человек всё ещё толкались и перешучивались, дожидаясь матушкиного сигнала к началу. Я было собралась назвать Ваньэр, но, взглянув на её коня, который нервно переступал и бил копытом, удержалась. Привстав, я внимательно оглядела игроков, затем кивнула на ту, что первой заговорила:

— Держу пари, это она.

Матушка приподняла бровь:

— С чего бы это?

Я ухмыльнулась:

— У неё лучший конь.

Матушка фыркнула:

— Если так, отчего же в прошлый раз тебе их не одолеть?

У меня был свой расчёт, и я нарочито произнесла:

— В обычное время, конечно, так не судят, но сегодня — самый верный способ.

Матушка, кажется, что-то заподозрила, но спрашивать не стала. Я же, желая блеснуть, видя, что первая приманка не сработала, добавила:

— Не верите, матушка? Давайте поспорим!

Матушка ответила прямо:

— Не буду спорить. Я тоже думаю, что Туаньтуань победит.

Я не ожидала такой прямоты и слегка опешила. Матушка же вдруг расплылась в широкой улыбке, потянулась и ущипнула меня за щёку:

— Ах ты, бестия! На свою мать хитрости строишь? Шкурка чешется?

Я притворно взмолилась, бросилась к ней в объятия и, обхватив за талию, заныла:

— Сама же велела гадать, а теперь, когда угадала, и награды не даёшь! Нехорошо!

Матушка с усмешкой покачала головой, подняла взгляд на поле и крикнула:

— Скоро стемнеет, начинайте уже!

Игроки на поле наконец пришли в движение.

Затея была матушкина, но она даже не взглянула на поле, а, наклонившись ко мне, проговорила:

— Ну-ка, расскажи, как догадалась. Если объяснишь толково — награжу. Если же просто наугад сказала — не только награды не видать, но и буддийские сутры переписывать отправишься.

<http://bllate.org/book/16278/1466160>